

ГЛУБОКИЕ ЗАТРУДНЕНИЯ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ: ОЦЕНКИ ПРОШЛОГО И СМЫСЛА МАКРОСОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Н.С. Розов

Институт философии и права СО РАН,
Новосибирск

nrozov@nsu.ru

Современная философия истории утратила творческий импульс и престиж во многом из-за утери общего поля интеллектуального внимания. Восстановить его единство можно через проблемный каркас – комплекс глубоких затруднений, работа над которыми открывает новые смысловые пространства. В статье рассмотрены проблема ценностей и оценок в истории, а также проблема смысла крупных драматических трансформаций. Намечены подходы к их решению и новые возникающие трудности.

Ключевые слова: философия истории, интеллектуальное внимание, глубокие затруднения, смысл истории, ценности в истории, исторические оценки, социальные трансформации, социальные революции, социальные институты.

DEEP TROUBLES OF PHILOSOPHY OF HISTORY: EVALUATION OF THE PAST AND THE MEANING OF MACROSOCIAL TRANSFORMATIONS

N.S. Rozov

Institute of Philosophy and Law SB RAS,
Novosibirsk

nrozov@nsu.ru

Modern philosophy of history has lost a creative impulse and prestige largely due to loss of common field of intellectual attention. To restore its unity a problematic framework is needed, i.e. a set of deep troubles, investigation of which opens new space of meanings. The paper considers the problem of values and evaluations in history, as well as the problem of meaning of big dramatic transformations. Approaches to these problems and emerging intellectual challenges are outlined.

Key words: philosophy of history, intellectual attention, deep troubles, meaning of history, values in history, historical evaluations, social transformation, social revolution, social institutions.

Причины долговременного снижения престижа и творческой активности

Философия истории как интеллектуальное направление, знавшее периоды подъема, бурного творчества и заслуженной славы, в наши дни переживает не лучшие вре-

мена. После подъема в 1960-х гг. аналитизма и обсуждения (преимущественно критического) идеи К. Гемпеля об «охватывающих законах» философия истории переживает затянувшийся период «осени» с расщепленным полем интеллектуального внима-

ния, невысоким престижем в пространстве философского и научного мышления, малой привлекательностью для новых поколений исследователей.

Одновременно сама история как реальность и как тексты историков о прошлом привлекает все большее внимание в идеологии, политике, общественных дискуссиях и читательском интересе. Споры относительно истории, интерпретации событий и процессов, оценок деяния лидеров и политических сил, необходимости или пагубности единых учебников национальной истории становятся острее и громче. Появилась даже целая сфера «исторической политики». Большинство споров относительно интерпретаций исторического прошлого не решаются с помощью обращения к документам и данным, логики и научного знания. Поскольку практически все споры об истории связаны с оценками и осмыслением, единственным квалифицированным арбитром могла бы выступить философия истории. Однако, в своем большинстве современные философы истории остаются в своих «башнях из слоновой кости», изолированных не только от широкого публичного дискурса, но и друг от друга.

Поле интеллектуального внимания в современной философии истории: задача интеграции

Современная философия истории утратила творческий импульс и престиж во многом из-за утери общего поля интеллектуального внимания. Это поле рождает активное творчество, когда его темы и проблемы служат предметами обсуждения в живых дискуссиях и публикациях интеллектуалов¹.

¹ Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм. – Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002. – 1280 с.

Такое поле бывает единым, связным, с яркими диспутами, идеями, фигурами, статьями и книгами, на которые все ссылаются и о которых все говорят. Оно характеризует периоды интенсивного интеллектуального творчества – «золотые века» философской или научной традиции.

Поле внимания интегрируется, когда ведущие интеллектуалы из разных лагерей и их амбициозные молодые ученики выходят за пределы привычных узких тем и начинают обсуждать «горячие проблемы», позволяющие превратить ранее накопленный потенциал (концептуальные, логические, методические и прочие ресурсы) в новые решения, яркие тезисы и концепции, тем самым увеличить свою интеллектуальную репутацию.

Восстановить единство поля внимания можно через проблемный каркас – комплекс глубоких затруднений, работа над которыми открывает новые смысловые пространства. Укажем на ключевые области проблем осмысления истории – потенциальные источники искомым глубоким затруднений:

1) *проблемы доверия к истории* – все, что связано с истинностью и ложностью исторических суждений и описаний, с их обоснованностью, аргументированностью, приемлемостью, релевантностью и т. п. Сюда же относятся проблемы существования и онтологического статуса прошлого, доступа к нему и связи с историческими текстами, нарративами, языком;

2) *проблемы ценностей и оценок в истории*, их отношения с принципами объективности, нейтральности, деидеологизации науки; (не)оправданность моральных суждений относительно деяний прошлого по современным нравственным критериям и т. д.;

3) *проблемы синтеза и накопления исторических описаний*, пути преодоления разнобоя и противоречивости историографии; насколько оправдана и возможна согласованная интеграция описаний прошлого, выполненных в различных парадигмах, с разными мировоззренческими позициями и ценностными основаниями?;

4) *проблемы структуры и хода истории* относятся к обоснованности множества альтернативных периодизаций (вертикального структурирования) и деления на народы, культуры, цивилизации, миросистемы (горизонтального структурирования) в мировой истории; сюда же относятся вопросы классической субстанциональной философии истории об общей модели, или ходе мировой истории (апокалиптика или прогресс, однолинейность или многолинейность, эволюция и инволюция, модернизация и контрмодернизация, цикличность и волны экспансии, формации и стадии роста, осевое время и т. д.);

5) *проблемы смысла истории и исторического самоопределения* – наиболее смутная, далекая от науки и позитивных исследований область, одновременно являющаяся идейно, философски и эмоционально самой насыщенной. Есть в истории объективный смысл или же есть только субъективные необязательные попытки придать смысл бессмысленным процессам? Как связаны те или иные способы осмысления истории, исторические мифы, национальные травмы с идентичностями (национальными, этническими, конфессиональными, политическими)?

Проблемы доверия к истории (1) и синтеза описаний (3) занимают приверженцев аналитической философии, позитивизма, сциентизма и научного реализма. Проблемы структуры и хода истории в большей мере относятся к направлениям миро-

вой истории (world history) и исторической макросоциологии. В сфере гуманитарного знания и философии наибольшее значение имеют области проблем, связанные с ценностями (2), смыслом истории и исторического самоопределения (5), – они и будут рассмотрены в данной работе.

Оправданность и корректность исторических оценок

История и ценности – традиционная тема философии истории. Сегодня вряд ли кто-то будет утверждать возможность и необходимость полной «свободы от ценностей», дистиллированной «чистоты» и «нейтральности» истории. Ценностная нагруженность, присутствие ценностей всегда явно или неявно имеют место в историческом дискурсе. В то же время сами ценности появляются и развиваются в истории. Самые бурные споры относительно прошлого всегда связаны с ценностями, тогда как споры относительно ценностей нередко ведутся с апелляцией к истории.

Покажем значимость ценностных проблем в точки зрения сформулированных выше критериев.

Ценности и оценки – всегда актуальная тема публичного дискурса, особенно когда это вопросы вплетены в идейные и политические конфликты. Исторические оценки завоевывают внимание, если обсуждаемые исторические акторы (лидеры, политические группы, сословия, народы) хотя бы потенциально составляют основу для формирования идентичности современных социальных групп.

Экзистенциальные вопросы «Кто я?» и «Кто мы?» всегда явно или неявно подразумевают вопросы «Кто мои предшественники?», «Чьи идеи и дела мы продолжаем?».

Естественное стремление к созданию собственного «ретроспективного канона» и возвеличиванию плеяды предшественников ведет к порождению исторических мифов. Такие мифы могут быть распространенными и устойчивыми, когда подкрепляют легитимность монополю доминирующей политической силы, либо могут служить оружием в идеологической борьбе двух и более конфликтующих сил.

Научная история всегда имеет расхождение с историческими мифами. Ее критическая функция объективно значима в обоих типах случаев: как возвращение к реальности и трезвому взгляду на прошлое при доминировании единого мифа и как арбитр и держатель критериев научной обоснованности в ситуациях идеологического противоборства с использованием разных тенденциозных образов прошлого. При этом компетенция исторической науки ограничивается указанием на факты и закономерности.

В отношении горячих и конфликтных тем, оценок и ценностей историки иногда стараются выдерживать нейтральную позицию, иногда сами делают оценки, принимая ту или иную сторону в споре. Систематическое и глубокое рассмотрение ценностного аспекта отношения к прошлому доступно только философии: пересечению теории ценностей (аксиологии) и философии истории.

Выбор стратегий в решении актуальных проблем общественной практики (экономические кризисы, экология, социальные болезни, межэтнические конфликты и проч.) всегда предполагает оценку правомерности и результативности прошлых стратегий. Острая борьба за общественные ресурсы по решению этих проблем выражается, в частности, в борьбе оценок относительно прошлых попыток решения,

причин их успехов или неудач. Продолжающиеся споры порождают потребность в разработке общих, приемлемых для сторон оснований, в данном случае – ценностных. Таким образом, проблематика ценностей и оценок в истории оказывается востребованной и в этой сфере – области насущных проблем общественной практики.

В современной философии истории почти не встречаются полярные взгляды: утверждение жесткой нейтральности – свободного от ценностей объективизма и призывы к моральному ригоризму – систематическому оцениванию лидеров, их деяний, событий, режимов и периодов прошлого. Обычно присутствие в исторических текстах ценностей и оценок признается нормальным и неизбежным. Доминирует либеральная позиция, допускающая множественность различных оценок в интерпретациях. Так, Крис Лоренц основывается на том, что ценности часто не отделены от фактов, что всегда есть личные мировоззренческие установки историка и горизонт ожиданий предполагаемой читательской публики². Фактически здесь оправдывается не только *ценностный плюрализм* (нормальность того, что у разных людей – разные ценности и оценки прошлого), но и *ценностный релятивизм* – отказ от дискуссий относительно правомерности и предпочтительности разных ценностных систем и соответствующих оценок прошлого. Если плюрализм правомерен (в рамках, требующих отдельного обсуждения), то релятивизм в отношении ценностей лишает смысла любые споры о морали, в том числе о моральном оправдании/обвинении прошлых деяний, что принять уже нельзя.

² Lorenz Chris. Historical Knowledge and Historical Reality: A Plea for 'Internal Realism' // History and Theory. Contemporary Readings. Blackwell, 1998. – P. 342–376.

Верно говорит Лоренц, что ценности часто не отделены от фактов, но отсюда не следует, что не надо стремиться к такому отделению и что оно невозможно. Верно также суждение о множественности личных позиций историков и множественности горизонтов ожидания, включающих разные ценности, но это вовсе не означает, что не следует соотносить эти позиции и ценности, что не следует аргументировать те или иные принципы оценки деяний и явлений прошлого. Так, например, вполне обоснованной представляется морально-ригористическая позиция Антоона де Баэтса относительно того, что прошлые поступки, нарушающие человеческое достоинство и неотъемлемые права, не подлежат прощению за давностью лет³.

Глубокие затруднения в ценностной проблематике истории касаются правомерности оценок прошлых деяний. Можно ли оценивать последние с позиций сегодняшних ценностей? Если нет, то означает ли это возможность полного оправдания очевидных злодеяний, жестокости, пыток, предательства, подлости, поскольку все это совершалось в рамках прежних ценностных представлений?

Следует смириться с тем, что история была и будет полем моральных битв. Вопрос состоит в том, как эти ценностные конфликты, связанные с историей, сделать продуктивными и упорядоченными. Внесение порядка в конфликтные взаимодействия, включая споры относительно ценностей и оценок событий и деяний прошлого, всегда подразумевает правила. Такие правила нельзя дедуцировать ни из самой исторической дисциплины, ни из теории ценностей. Пра-

вила исторических оценок, правила ведения дискуссий относительно таких оценок, установление оснований для таких правил – это очевидная обязанность философии истории, которая, однако, до сих пор не очень хорошо с ней справляется.

Проблема корректности исторических оценок никогда не будет решена окончательно. Однако уже сейчас можно указать на спектр ценностных платформ, которые нельзя не учитывать при любом походе к ее решению:

- современные ценности, претендующие на универсальность (как правило, связанные с гуманизмом, защитой достоинства, свободы и прав личности);
- современные национальные ценности разных обществ, ценности религиозных конфессий и моральных учений;
- собственные мировоззренческие, в том числе ценностные, установки участников прошлых исторических событий, основных акторов;
- тогдашние ценности, принятые, преобладающие в обществах, где происходили эти события;
- состояние и уровень ценностей в наиболее крупных, развитых, влиятельных обществах той же эпохи.

Как уточнять и использовать эти или другие основания для исторических оценок – обширное и потенциально богатое пространство будущих размышлений, причем доступное именно в рамках и средствами философии истории.

Смысл истории и историческое самоопределение

Парадоксальным образом проблема смысла истории как главная традиционная тема классической философии истории – от Августина до Канта – стала теперь прак-

³ Baets Antoon de. *Historical Imprescriptibility // Storia della Storiografia*. – 2011. – Vol. 59–60. – P. 128–149.

тически запретной. Среди историков и философов истории говорить о «смысле истории» стало даже более «неприличным», чем для современных антропологов и культурологов говорить о «культуре».

Однако субъекты истории – политические лидеры, партии, государства, этносы и нации – живут и действуют в той истории, которая имеет для них некий смысл. Когда историческая наука и философия оставляют поле осмысления истории, оно не остается пустым. Этот смысл обычно задается идеологиями, религиями, популярными упрощенными концепциями вплоть до манихейской конспирологии и фэнтези (борьба сил Добра против сил Зла).

Общая негласная установка ученых и философов состоит в том, что смысл истории придают сами люди. Однако никто при этом не осмеливается прямо объявить мировую историю лишенной какого-либо присущего ей объективного смысла. Такое межеумочное состояние на самом деле должно стать интеллектуальным вызовом для философов истории, но среди них почти никто на этот вызов не откликается.

Тема смысла истории является в некотором роде венцом каждой субстанциональной философско-исторической парадигмы, поскольку предполагает представления о динамике, структуре, ходе истории, о роли и месте ценностей в исторических процессах.

Рассмотрим подход к смыслу истории как перманентному самоиспытанию человечества^{4,5}. Категория испытания в отличие

от сугубо естественного складывания и искусственного конструирования соединяет меняющиеся объективные обстоятельства и меняющиеся субъективные человеческие стремления. В предложенной версии использовалась классическая дихотомия Ф. Тённиса *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, а также дюркгеймианское представление о том, что счастье и осмысленность жизни человека достигаются в условиях солидарности, взаимной поддержки и теплых эмоциональных отношений, что как раз обеспечивают *Gemeinschaft*. Таким образом, главным историческим испытанием является способность обществ создать и «настроить» такие большие *Gesellschaft* (государства, межгосударственные и внутригосударственные формальные структуры), которые предоставляли бы наиболее благоприятные условия для развития малых *Gemeinschaft*, обеспечивающих счастье и осмысленность жизни индивидов.

Ясно также, что наиболее значимыми, критическими испытаниями являются драматические макросоциальные трансформации: социальные революции, крупные реформы, достижения общественных движений, в том числе протесты против дискриминации по признакам расы, пола, вероисповедания, сексуальной ориентации и т. д.

Принятие версии испытания как родового смысла мировой истории оставляет обширное пространство затруднений, касающихся уточнения понятий «условия», «счастья» и «осмысленность» жизни, оснований такого постулирования, тем более в сравнении с реальными стремлениями исторических акторов.

Сама категория испытания является широкой рамкой; к тому же испытания для разных эпох и народов были разные. Выявление их и способы объединения в не-

⁴ Розов Н.С. Философия и теория истории. Книга первая. Прологомены. – М.: Логос, 2001. – 179 с.

⁵ Розов Н.С. Смысл истории как испытание человечества: философские основания глобальной правовой и судебной системы // *Credo new*. – 2012. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/1151/67>

кий сложный, меняющийся смысл мировой истории – это самостоятельная большая сфера глубоких затруднений.

Наконец, можно отвергнуть испытание как родовую категорию для исторических смыслов, но тогда следует предложить и обосновать лучшую.

Вслед за неопозитивистским, структуралистским, лингвистическим и нарративистским поворотами будущую философию истории ожидают новые повороты. Контур их проглядывают уже сейчас, а точное имя еще должно быть найдено.

Литература

Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз; пер. с англ. Н.С. Розова и

Ю.Б. Вертейм. – Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002. – 1280 с.

Розов Н.С. Философия и теория истории. Книга первая. Прологомены / Н.С. Розов. – М.: Логос, 2001. – 179 с.

Baets Antoon de. Historical Imprescriptibility / Antoon de Baets // Storia della Storiografia. – 2011. – Vol. 59–60. – P. 128–149.

Lorenz Chris. Historical Knowledge and Historical Reality: A Plea for 'Internal Realism' / Chris Lorenz // History and Theory. Contemporary Readings. – Blackwell, 1998. – P. 342–376.

Розов Н.С. Смысл истории как испытание человечества: философские основания глобальной правовой и судебной системы / Н.С. Розов // Credo new. – 2012. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/1151/67>